

СВЕТЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

В мае 2017 г. ушёл из жизни поэт, ветеран ангарской литературы Вадим Николаевич Богатырёв. По христианскому вероучению, на сороковой день, когда душа возносится на поклонение Отцу Небесному, решается её участь — пребывать ей в райских обителях или в аду. И хотя Вадим Николаевич не был религиозен, все мы, знавшие его в земной жизни, уверены: если рай существует, то душа его упокоилась именно там.

Я познакомился с ним чуть больше десяти лет назад, когда, вернувшись в родной Ангарск после долгой жизни в прибайкальском посёлке, был введён в круг городских литераторов и прочитал несколько своих стихотворений. При расставании Вадим Николаевич стал приглашать к себе в гости друзей — отметить скорое наступление Нового года. В числе приглашённых оказались и мы с женой, чему я весьма удивился: ведь он впервые видел нас! А для него это было естественно, он стремился помочь новому коллеге по перу быстрее освоиться в незнакомой компании. И потом я часто бывал в этом гостеприимном доме, где собирались симпатичные друг другу люди, вели разговоры о жизни, о литературе, обсуждали горячие темы и читали стихи.

Я давно определил для себя его главную характеристику — он был человеком светлым. У него не было и, наверное, не могло быть врагов, разве что какие-нибудь мелкие завистники. Прожив долгую жизнь — девяносто пять лет, он до последних дней сохранил в себе почти детскую чистоту восприятия мира. И хотя этот мир обошёл с ним в молодости сурово и даже жестоко, Вадим Николаевич не таил в душе злобы. При встречах он неизменно улыбался и шутил, в разговоре всегда относился к собеседнику доброжелательно и с пониманием. Но, несмотря на кажущуюся мягкость характера, в принципиальных вопросах он всегда был твёрд и на компромиссы не шёл.

Его биография есть на литературных сайтах, напечатана в качестве предисловия к одной из его книжек, однако широкому кругу читателей неизвестна. Многие её эпизоды отражены в стихах, но жаль, что Вадим Николаевич не был склонен к прозе, иначе бы он непременно написал о своей жизни роман или повесть с захватывающими сюжетными поворотами, придумывать которые ему бы не пришлось.

Вадим Николаевич родился в Казани в 1921 г. Одним из его предков по отцовской линии был швед, полковой лекарь Стенбер, взятый в плен, очевидно, под Полтавой и оставшийся жить в России. При Екатерине II, пригласившей в Россию на жительство множество немцев, фамилию переделали на немецкий лад — Штейнберг, и впоследствии эта «немецкая» фамилия принесла Вадиму Николаевичу немало проблем.

Его отец, Николай Васильевич, — сын статского советника, получившего по выслуге лет дворянство, в 1916 г. пошёл добровольцем на Первую мировую войну, участвовал в Брусиловском прорыве, трижды попадал в плен и дважды сбегал. От расстрела за последний побег спасло лишь окончание войны. По специальности он был строителем и впоследствии работал на пятнадцати советских новостройках — от Украины до Владивостока, вырос от десятника до главного инженера. Строил в том числе Шатурскую ГРЭС — одну из первых станций по плану ГОЭЛРО.

Мать, Елена Леонидовна, в девичестве Россова — дочь священника, окончила епархиальное училище. Отец её состоял в родстве с физиологом И.П. Павловым, и будущий знаменитый академик, приезжая к нему в деревню, играл с его дочкой в городки. Елена Леонидовна училась на Бестужевских курсах в Москве, получила филологическое образование. В 1918 г. она была назначена директором детского дома в Подмоскowie, но после замужества и рождения сына Вадима полностью посвятила себя домашнему хозяйству. Хорошо знала русский и французский языки, много читала, интересно рассказывала о жизни до революции, и от неё, вероятно, передалась Вадиму любовь к русскому языку и литературе.

Вместе с мужем Елена Леонидовна терпеливо переносила переезды и неустроенность жизни в бараках. Комнаты инженеров в них обычно были отгорожены от общего помещения лишь тонкой фанерной перегородкой. Маленький Вадим водил дружбу с детьми рабочих. Через год-полтора возводился дом для ИТР, семья переселялась туда, а вскоре стройка заканчивалась, и приходилось продавать за бесценок всю нажитую мебель, грузить узлы и чемоданы на телегу или грузовик и ехать на станцию для посадки в поезд, уносивший семью к месту нового строительства.

Так, переезжая со стройки на стройку, они исколесили всю страну и в 1938 г. обосновались на жительство в Иркутске, где Николай Васильевич стал работать на строительстве Иркутского авиазавода. В 1940 г. Вадим окончил школу,

поступил в медицинский институт. Весной 1942 г. он был призван в армию, в читинский строительный батальон. А летом, согласно секретному приказу Сталина, из армии начали удалять всех бойцов с неблагонадёжным происхождением. И в октябре Вадима Николаевича по причине подозрительной фамилии (да ещё отец бывал в немецком плену) выслали на спецпоселение в Кузбасс, где ему пришлось заниматься тяжёлым трудом в угольной шахте. Освобождённый в 1947 г. без паспорта, лишь со справкой, он приехал в Иркутск к родителям и долго не мог устроиться на работу, пока не был принят, наконец, лаборантом в Иркутский госуниверситет, на кафедру общей химии. Через год Вадим Николаевич поступил учиться на филологический факультет университета. Зарабатывая на жизнь, он испробовал себя во множестве профессий: был дератизатором (занимался уничтожением домашних грызунов), статистом в театре музыкальной комедии, бригадиром на уборочных работах и даже музыкальным работником в детском саду.

В 1951 г. Вадим Николаевич поступил в Ангарский техникум искусственного жидкого топлива — будущий политехникум. Влюбился в студентку Татьяну, приехавшую из Ленинграда на практику, и она, как говорится, ответила ему взаимностью. Молодые люди решили пожениться, однако отец невесты, полковник МВД, был категорически против того, чтобы его дочь стала «немкой» Штейнберг. И Вадим Николаевич, чтобы навсегда избежать несчастий, приносимых ему иностранной фамилией, взял фамилию жены и стал Богатырёвым. Он даже уехал вслед за женой в Ленинград, но вскоре вернулся — торопливо заключённый брак, как это часто бывает, оказался непрочным.

С 1953 по 1962 г. он трудился на газовом заводе комбината-16 (ныне Ангарская нефтехимическая компания) оператором, начальником смены, потом перешёл в ОКБА (опытно-конструкторское бюро автоматики) инженером-конструктором, где и работал до ухода на пенсию в 1980 г. Но без дела не сидел и ещё несколько лет был сторожем в садоводстве.

Стихи Вадим Николаевич писал всю жизнь. Он был школьником, когда его стихотворение напечатали в «Восточно-Сибирской правде». Находясь на спецпоселении, он вёл дневник и продолжал сочинять стихи. Во время работы в ОКБА, если строки сами рвались из сердца, он шёл брать отпуск, а когда отказывали — увольнялся и уезжал куда-нибудь на природу, чаще всего на Аршан, вдоволь писал и возвращался домой со множеством стихов. И его вновь принимали на работу на прежнее место, потому что специалистом он был незаменимым. Однажды он уехал на курорт Кука в Забайкалье, где во время длительного лечения, продолжавшегося около года, работал культмассовиком — Вадим Николаевич хорошо играл на баяне и пел не только песни, но и популярные арии из опер. С курорта он привёз чемодан рукописей! Но систематизированного архива Вадим Николаевич, вероятно, следуя завету Пастернака, так и не завёл, и до сих пор многие его рукописи лежат неразобранными. А между тем среди них встречаются настоящие шедевры. Некоторые из стихов, не вошедших ни в одно прижизненное издание поэта, помещены в этом номере.

В литературное объединение Ангарска В.Н. Богатырёв пришёл сразу после его создания, в начале пятидесятых. Дважды участвовал в Иркутской областной конференции «Молодость. Творчество. Современность». Печатался в газетах и журналах, однако первая поэтическая книжка «Тропа восхождения» вышла у него лишь в 1991 г. в самиздатском варианте. Затем были изданы книги «Далёкое созвездье» (1995), «Саги старого леса» (2006), «Я устал стоять под

листопадом» (2013). В 90-летнем возрасте он был принят в Союз писателей России — отнюдь не из почтения к прожитым годам, а за незаурядное литературное мастерство.

Сознаюсь, я не сразу в полной мере оценил богатство и красоту его поэтического языка. Узнаваемые приметы этого языка — глубокая лиричность, задушевная искренность, яркая образность. В его стихах вы найдёте воспоминания о нелёгкой молодости автора, размышления о жизни, о любви, замечательные описания природы, посвящения друзьям и знакомым. Светятся нежностью строфы, написанные о второй супруге — Светлане Фёдоровне, более сорока лет бывшей ему верным другом, хранителем его дома, его здоровья. А ещё у него было превосходное чувство юмора, который так и искрится в его баснях и пародиях... Читайте книги Вадима Николаевича Богатырёва, ищите их в библиотеках, спрашивайте у знакомых. Вы найдёте в них подлинную поэзию.

Во время нашей встречи в декабре 2016 г., оказавшейся последней, он, измотанный болезнью до младенческой слабости и почти слепой, как обычно, улыбался мне, искал на ощупь мою бороду и всё шутил про неё. Потом вдруг запел громким и сильным голосом своё любимое: «Сердце красавицы склонно к измене...»

Таким, несдавшимся, он и остался в моей памяти.

Валерий Дмитриевский

* * *

Ненависть бескрыла
И живёт нелепо,
Умирает гадко,
Мир готова грызть.
Доброта бессмертна,
Как земля и небо,
Как дорога к счастью,
Как борьба за жизнь.

Побеждает добрый,
И, отдав всю нежность,
Он уходит в горы,
Тихий и седой,
Станет там вершиной,
Гордой, белоснежной,
За туманной дымкой,
За крутой грядой.

* * *

Плакали апрельские берёзы,
Боязно за вешнюю красу...
Пей! Я эти искренние слёзы,
Торопясь, в ладонях принесу.

Пей с ладоней, дар не от мессии,
Но скажу, пока глядишь в глаза:
Пей! Берёза — дерево России,
У России чистая слеза.

Осенние кедры

Из доброй страны, где рождаются ветры
И звёзды скользят по озёрному дну,
Для шумных детей величавые деды
В зелёных корзинах несут тишину.

А сколько доверья в их шёлковом смехе!
Гудят домовито, узнав шишкарей,
И тянутся к солнцу, раздав все орехи,
Хотят быть красивой, хотят быть добрей.

А ночью — скрещение жёлтых кинжалов.
И месяц, что знает тайгу наизусть,
У старого кедра в тягучих хоралах
Давно услышал потаённую грусть.

Необычайное явление

Художнику Геннадию Козлову

Алел восток. И я сошёл... с портрета.
Горячим сердцем ты меня писал.
К тебе, как чайка, я лечу с рассветом.
Встречай. Перед тобой — оригинал.

Мы выпили с тобой цистерну кофе
На том небесно-светлом этаже.
Ты рисовал меня анфас и в профиль,
Я бегал, нарисованный уже.

За рюмочкой, грустя, обговорили
Коварство женщин, истины момент.
Всё то, что в этой жизни упустили,
Что упустил наш умный президент.

С тобой в мечтах девчонок целовали,
Хоть наши жёнушки невдалеке...
С тобой в мечтах бывали на Байкале
И у Варёного в Утулике.

Всё впереди: этюды и рассветы,
И разговоров наш волшебный бред,
Костры, ромашек белые береты —
Ну, что такое восемьдесят лет?

Да здравствуют Любовь, Весна и Лето
Я над Байкалом радугу догнал
И элегантно вышел из... портрета.
Пусть скажут дамы: «Он — оригинал»

Визитная карточка

Я из рода священников и учёных,
Из элиты строителей городов,
Я — рабочий Вселенной, житель сталинской зоны,
Нежный взломщик сердец, открыватель миров.

Я пришёл на заре жесточайшего века
И прошёл по нему, как проходят сквозь строй.
А в ушах всё гремит барабанное эхо —
Сколько рыцарей светлых в земельке сырой!

Я хочу воскресить эти гордые души,
Там мой дед удалой и геройский отец.
Я хочу на заре вместе с вами послушать
Неземные куранты родимых сердец.

Рождественский сон

Я обнимал крылатую богиню,
Я лунный вальс с богиней танцевал
И, улетаая с нею к звёздам синим,
Своих неверных жён я забывал.

Теперь я горд: я вечный житель неба,
И все созвездья — родина моя.
А там, внизу я не был, не был, не был,
Не привлекался и не состоял!»

Она меня в туманность Андромеды
Несла, я откровенно говорил:
«Хочу забыть свои грехи и беды
И притуманить всё, что натворил.

В глазах богини вспыхнул гнев зелёный
И мне в лицо дохнул угарный зной.
Она к моим меня низвергла жёнам,
К моим грехам и дрязгам: «Ты — земно

Аршанский вальс

Как грациозно танцуют снежинки!
И завершают свой танец на пне,
Как удивительные балеринки
В полузабытом мальчишеском сне.

Ёлочки рядом, как сёстры и братья,
С дедушкой-пнём хоровод завели.
Горы, как матери в газовых платьях,
Плавно и грустно танцуют вдали.

Легенда

Море землю качало,
В море рождалась Новь.
Есть у земли Начало,
Имя ему — Любовь.

Грозы гремели где-то,
Пела волна: «Живи!»
Так обрела планета
Вечную твердь Любви.

Шатурские торфушки

Однажды из голодных деревень,
Из грустных песен и седых туманов
Они пришли в мой ласковый апрель
В смешных лаптях и юбках домотканых.

И я, мальчишка, на окне затих,
В волшебный мир навеки принимая
Рязанских баб отчаянно-ржаных,
Ухватистых тамбовских молодаяк.

Я понял: это — дочери Земли,
Они из торфа делали брикеты.
Среди болот платочки их цвели
Малиновым и васильковым цветом.

Жгли комары, душил жестокий зной —
Ковтёнки вечно мокрые от пота...
И даже самой нежною весной
Девчата пахли тиной и болотом.

А над болотами — весёлый гром!
Крушило время судьбы и понятия...
Торфушки шили ситцевые платья,
Цветной рекой текли в Народный дом.

И лозунги читая по складам,
Они в кино, как в церковь, заходили,
Они глазели на шатурских дам,
И все! — киномеханика любили.

Опять смущённо ландыши цвели,
Из кочек настораживая ушки...
Опять воспоминанья донесли
Смешной свисток игрушечной «Кукушки».

Я снова мальчик. Папа мой — прораб.
Он строит ГРЭС и ходит с нивелиром,
Он озабочен, деловит и храбр,
Я тоже храбр — я маленький задира.

Прекрасен мир! Глаза озёр — вдали,
В бору кукуют щедрые кукушки,
И в сарафанах — прямо из зари —
Идут ко мне весёлые торфушки.

Теперь они идут ко мне всегда
Через мои зелёные апрели,
Через мои жестокие года,
Тревоги и душевные метели.